

ние первых снопов⁶ (имеется лишь одно не очень ясное свидетельство: «*Бригадир посылает старух: "Идите зажинать". Стойкой поставят снопы, потом сжигали*» (зап. в 1997 г. Ю.М. Шеваренковой от Анны Васильевны Ворониной, 1914 г.р., д. Завалищи Павловского р-на [ФА ННГУ, 61-7-195]). Кроме того, здесь сформировалась специфическая терминология.

Литература

Агапкина 2002 – *Агапкина Т.А.* Мифологические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.

Виноградова 2004 – *Виноградова Л.Н.* Пережин // Славянские древности: Этнолингв. словарь в 5 т. М., 2004. Т. 3. С. 682–684.

Гнилицкий 1910 – *Гнилицкий И.* В нашей глуши. I. Стрига // Костромская жизнь. 1910. № 19.

Ефимова 1997 – *Ефимова Е.С.* Поэтика страшного в народной культуре: мифологические истоки. М., 1997.

Корепова 1976 – *Корепова К.Е.* [Коротко об экспедициях] // Советская этнография. 1976. № 2. С. 159–160.

Кулагина 2004 – *Кулагина А.В.* П.А. Флоренский // Православные священные – собиратели русского фольклора. М., 2004. С. 212–236.

Поздняков 1899 – *Поздняков Т.* Спорыньевщик // Владимирские губернские ведомости. 1899. № 32.

Терновская 1984 – *Терновская О.А.* Пережины в Костромском крае (По материалам анкеты «Культе и народное сельское хозяйство» 1922 – 1923 гг.) // Славянский и балканский фольклор. Этногенетическая общность и типологические параллели. М., 1984. С. 117–129.

Толстой 1995 – *Толстой Н.И.* Белый цвет // Славянские древности: Этнолингв. словарь в 5 т. М., 1995. Т. I. С. 151–154.

Сокращения

ТОРП – Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / Сост. Г.Г. Шаповалова, Л.С. Лаврентьева. Л., 1985.

ФА ННГУ – Фольклорный архив Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Архивный шифр состоит из последовательности цифр: первая цифра обозначает номер коллекции, вторая – номер единицы хранения, тре-

⁶ Сложный охранный обряд, связанный с сожжением первых сжатых снопов, существовал в некоторых местностях Костромского края. Он описан П.А. Флоренским: «<...> Чтобы воспрепятствовать <...> пережинанию ржи, надо <...> нажать по три снопа каждому со своей копны. Затем все эти снопы сносят в одно место и обмолачивают их. Солому сжигают так, чтобы при сжигании соломы пепла никто не брал. Его бросают в реку. Обмолоченную же рожь продают и покупают на вырубленные деньги восковую свечу в церковь (рубля по полтора-два). Когда зажгут эту свечу, то пережавший человек помирает» [Кулагина 2004, 223].

И.В. ТУРУСОВ

ОКСКИЕ ПРЕДАНИЯ О РАЗБОЙНИКЕ РОЩИНЕ: ОТ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКТА К ФОЛЬКЛОРУ, ЛИТЕРАТУРЕ И МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Атаман Кузьма Рошин – герой народных преданий, известных нам до недавнего времени лишь по записям, сделанным в деревнях и селах Выксунского р-на Нижегородской обл. Первоначально предполагалось, что разбойник Рошин является исключительно местным фольклорным персонажем, ничем другим не отличающимся от многочисленных нижегородских разбойников, рассказы о которых записывались в различных сельских районах области.

Рассказы о Рошине, включенные в фольклорный сборник «Предания и сказки Горьковской области», составленный московской писательницей-фольклористом Н.Д. Комовской (1897 – 1986), побывавшей в Выксунском р-не в 1937 г. по командировке Союза писателей СССР [Комовская 1951], а также зафиксированные фольклорными экспедициями Горьковского государственного университета, действительно представляли в основном типологические разбойничьи мотивы. В них говорилось о том, что Рошин «*мужиков не обижал, к мужикам дружелюбный был*», нападал на речные суда и «*если богатого – грабил, если бедняка – помогал*» [Комовская 1951, 57], одной старухе дал десять рублей на покупку коровы [Комовская 1951, 59]. Кроме того, «*был он как наговоренный. Простая пуля его не брала. <...> Медью его убили*» [Комовская 1951, 61], погиб он из-за предательства женщины [Там же], оставив много «заклятых» кладов [Комовская 1951, 64–66]. Типологичность мотивов рошинских преданий отмечали В.К. Соколова и Н.А. Криничная, упоминавшие их в монографиях [Соколова 1970, 147–166; Криничная 1991, 106].

В преданиях не сообщалось, в какое время жил и разбойничал атаман Рошин, однако чаще всего его происхождения соотносили с деятельностью заводчиков братьев Ивана и Андрея Багашовых, основавших в 1750 – 1770-х гг. выксунские металлургические заводы. Более того, на основании выводов, сделанных Н.Д. Комовской, было принято считать, что разбойник Кузьма Рошин – по большей части фольклорная фигура, так как «в ар-

хвах и различного рода исторических документах нет упоминания о Рошине» [Комовская 1951, 12], а в самом появлении этих преданий огромную роль сыграли образы Разина и Пугачева, «давшие основу для создания созвучного им образа героя чисто местного происхождения – Кузьмы Рошина» [Там же].

В то же время высказывались сомнения и по поводу сугубо выксунского происхождения преданий о Кузьме Рошине. Так, во время обсуждения доклада Н.Д. Комовской о фольклоре Горьковской обл. на заседании фольклорной секции Союза писателей СССР 16 апреля 1938 г. фольклорист Б.И. Богомолов заметил, «что очень рискованно заключать, на основании этих легенд, что Кузьма Рошин именно там жил и там разбойничал. <...> В осеннюю экспедицию в Белозерье по следам братьев Соколовых мы записали очень интересную песню о Кузьме Рошине» [РГАЛИ, ф. 631, оп. 19, ед. хр. 51, л. 44].

Следует заметить, что, несмотря на свою известность, фигура разбойника Кузьмы Рошина ни в XIX, ни в XX вв. нижегородских исследователей-фольклористов не привлекала. Таким образом, к моменту начала работы в 2002 г. у нас имелся только небольшой фольклорный материал из сборника Н.Д. Комовской и записи фольклорных экспедиций ГГУ 1958 и 1964 гг., а также повесть М.Н. Загоскина «Кузьма Рошин» (действие которой происходит, однако, в Рязанской губ.). Нам предстояло провести большую работу по изысканию и собиранию дополнительного фольклорного материала, изучению художественной литературы о Кузьме Рошине и поискам возможных исторических документов о деятельности разбойника Рошина в выксунских и муромских лесах предположительно на рубеже XVIII – XIX вв.

Поиски в местных архивах (ЦАНО) результатов не принесли, однако в фондах Арзамаской Провинциальной канцелярии (РГАДА) нам удалось обнаружить показания крестьянина Сергея Афанасьева, бежавшего с выксунского завода Багашовых «на реку Оку к разбойнику Муромского уезда из крестьян господ Салтыковых Петру Иванову сыну Рошину для общего с ним разбоя <...> в лес, называемый Рожнов бор» [РГАДА, ф. 419, оп. I, ч. VI, № 82, л. 8 об.], и его отца, Афанасия Никитина, побывавшего в отряде Рошина у своего сына [РГАДА, ф. 419, оп. I, ч. VI, № 83], а также сообщение о нападении отряда Рошина на суда заводчика А.Р. Багашова между Касимовым и Елатьмой 22 апреля 1775 г. [РГАДА, ф. 419, оп. I, ч. VI, № 85] и предписания в Кадомскую,

Касимовскую, Муромскую и Темниковскую воеводские канцелярии о принятии мер к ликвидации отряда атамана Рошина [РГАДА, ф. 419, оп. I, ч. VI, № 82].

Судя по этим документам, в 1774 – 1775-х гг., в то время как регион был охвачен народными волнениями (особенно после приближения в июле 1774 г. к Арзамасу отрядов Е. Пугачева, а также после подавления восстания и казни Пугачева в январе 1775 г.), вооруженный отряд атамана Петра Рошина совершал возле Елатьмы и Касимова на реках Оке и Мокше нападения на речные суда и барские усадьбы. По показаниям С. Афанасьева, в начале лета 1775 г. отряд Рошина «пришел в Касимовский уезд в село, а как называется, не знает, и в селе разграбили дом господский и взяли денег сто рублей, да серебряной посуды, <...> и раздела по себе денег, <...> кому что разбойник Рошин дал, <...> ему досталось денег тридцать рублей...» [РГАДА, ф. 419, оп. I, ч. VI, № 82, л. 8 об.]. Афанасий Никитин на допросе показал, что навещал сына в стане атамана Рошина в Рожновом бору, и сын «по уговору с ним дал ему и разбойных денег двадцать рублей <...>, и пришед, те взятые у сына своего Сергея деньги двадцать рублей неподалеку работничьей избы зарыл потаенно в землю, а из земли уже неведомо кем вырыты и унесены...» [РГАДА, ф. 419, оп. I, ч. VI, № 83, л. 4 об.]. А задержанный в ноябре 1774 г. разбойник Елисей Рошин показал, что «имел он вместе с братом своим атаманом Петром Рошиным пристань Шацкого уезду у жительствующего в деревне Алферьево помещика Ивана Ермолова, то ему в разные времена по приходу их давали денег рублей до двухсот» [РГАДА, ф. 453, оп. I, ч. III, № 2843, л. 1]. Сведений о ликвидации отряда Петра Рошина и о судьбе самого атамана обнаружить пока не удалось.

Известность атамана Рошина в народе была настолько велика, что с течением времени рассказы с описанием его «подвигов» получили большое распространение среди местных жителей и надолго определили сюжетный состав преданий. В 1843 г. городской глава г. Мурома А.А. Титов (1783 – 1848), основываясь на этих рассказах, упомянул имя разбойника Рошина в своем труде «Историческое обозрение города Мурома». Он сообщил, что ни одно судно не могло пройти по Оке без уплаты пошлины Рошину, которая составляла один серебряный рубль с шеста, т.е. с человека-работного, и «суднохозяева сумму эту, будто, выдавали рабочим еще при отплытии с Моршанской и др. пристаней, как бы законную повинность» [Титов 1991, 76].

Первые подробные записи народных преданий (из обнаруженных к настоящему времени) были сделаны во Владимирской губ. в середине XIX в. священником с. Шиморское Меленковского у. А.Н. Полисадовым [АРГО, VI, оп. I, № 67, л. 57–76]. Он указывал, что по преданию старожилов лет сто назад в д. Тамболес (недалеко от Шиморского) жили три брата – Елис, Петр и Василий Ивановы, по фамилии Рошины, причем Василий, отданный в солдаты, сбежал и стал атаманом разбойничьей шайки, которая в течение семи лет грабила округу, в том числе и речные суда. Награбленное Рошин прятал в Рожновом бору и на Колодливом озере. Уже в этих рассказах сообщается, что Рошин был колдун: умел заговаривать ружья, и пуля его не брала. Местных жителей Рошин особенно не обижал, однако прославился своей жестокостью, очень часто его жертвы оказывались подвешенными со связанными руками и ногами над горящими вениками. Убили Рошина на Колодливом озере, когда отряду казаков и солдат, посланному для его поимки, помогли местные жители во главе с неким стариком из д. Старая Веря Артамоном, который был еще более сильный колдун, чем Рошин. Раненый Рошин упал с лодки в воду, ухватился за борт, но крестьяне отрубили ему обе руки топором, и он утонул. Местные жители в скором времени начали поимку кладов Рошина, которые оказались «заклятыми». А братья Василия Рошина «вдвоем близ Тамболеса и вверх по Оке долго еще пошалили, покутили и наконец пропали без вести». Таким образом, уже в середине XIX в. в народных преданиях о разбойнике Рошине отмечено появление типологических разбойничьих мотивов: Рошин – колдун, оставивший много «заклятых» кладов.

На основании исторических документов и рассказов о реальных событиях, упоминаемых в записях А.Н. Полисадова, можно предположить, что первоначально атаманом разбойничьей шайки, созданной в 1760-е гг., был именно Василий Рошин, а затем, когда после семи лет грабежей Василий был убит, атаманом шайки стал Петр, переместившийся разбойничать вверх по Оке к Елатье и Касимову. Его брат Елисей, видимо, с небольшой группой иногда действовал самостоятельно, в результате чего в ноябре 1774 г. был схвачен. Отряд Петра Рошина ликвидировали, скорее всего, во второй половине 1775 г., когда после подавления пугачевского бунта власти смогли перебросить часть войск для ликвидации многочисленных вооруженных отрядов, действовавших в охваченных народными волнениями районах. Сам же атаман Петр Рошин, ве-

роятно, не был ни убит, ни схвачен, во всяком случае какие-либо сведения об этом отсутствуют.

Разбойные действия братьев Василия, Петра и Елисея Рошинных и послужили, как мы полагаем, исторической основой для создания впоследствии народных преданий о разбойнике Рошине, широко распространившихся уже в начале XIX в.

Популярный писатель М.Н. Загоскин (1789–1852), опубликовавший в 1836 г. в журнале «Библиотека для чтения» повесть «Кузьма Рошин», в первой ее части «Разбойник» рассказал о том, как *«лет восемьдесят тому назад в верстах восьми»* от Касимова, в с. Зыково, шайка знаменитого в то время разбойника Кузьмы Рошина разграбила имение некоего помещика Ильменева, причем Рошину оказывал помощь бедный помещик Зарубкин, получивший от Рошина за услуги шестьдесят рублей [Загоскин 1987, 619]. После боя с отрядом драгун *«вся шайка Рошина была истреблена, но он сам пропал без вести»*, и долго *«крестьяне пугали еще Кузьмоу Рошиным детей своих и рассказывали им, как он выжжет их село, как разграбил барский дом»* [Загоскин 1987, 667–668], как разгромили всю его шайку, *«кроме самого Рошина, который обернулся серым волком и, как слышно, убежал в Брынские леса, где и теперь рыскает по ночам и воет так, что кругом его верст за десять по всему сырому бору стон идет, земля дрожит и птица со страстей гнезда не вьет»* [Там же]. Не вызывает сомнения, что М.Н. Загоскин при написании повести использовал народные рассказы о действиях отряда атамана Петра Рошина в Касимовском у. в 1770-х гг., тем более что писатель был родом из с. Рамзай Пензенской губ. в верховьях р. Мокши, притока Оки, где находилось родовое имение его отца.

Во второй части повести, «Суд Божий», М.Н. Загоскин описывает события Чумного бунта в Москве (1771 г.). По подозрению в участии в бунте был арестован Кузьма Рошин, который, оставив к тому времени разбойное ремесло, жил в Москве под видом богатого купца. Приговоренный по жребию в числе каждого десятого к смерти, он был опознан как именитый купец. Потеряв во время чумы свою семью, Рошин понял, что его настигла Божья кара за совершенные злодеяния, и сознался в том, что он разбойник. Согласно народным рассказам, известным М.Н. Загоскину, атаман Рошин *«пропал без вести»*, поэтому автор придумал свой финал жизни атамана Рошина. Имя Кузьма М.Н. Загоскин дал своему герою либо потому, что не знал настоящего имени Рошина, либо по каким-то иным соображениям.

Новый литературный персонаж, атаман Кузьма Рошин, был с восторгом принят читающей публикой. По мотивам повести на сценах московских театров в 1836 – 1847 гг. шла пьеса драматурга К.А. Бактурина (1809 – 1841) «Кузьма Рошин, рязанский разбойник», а в 1897 г. была написана пьеса Н.В. Чиркина «Смерть или позор» [ГТБ, № 42825]. Неоднократно переизданная еще при жизни автора повесть «Кузьма Рошин» обрела вторую жизнь в начале XX в., когда произведения М.Н. Загоскина стали вновь популярными.

С 1870-х гг. получили широкое распространение разнообразные лубочные повести о похождениях разбойника Кузьмы Рошина (в настоящее время нам известно около 15 различных лубочных изданий). Они разнообразны по содержанию, однако совершенно не повторяют мотивов фольклорных рассказов о братьях Рошинных, являясь результатом художественного вымысла писателей-лубочников. Исключение составляют лишь лубочные переделки повести М.Н. Загоскина, такие, как «Атаман Кузьма Рошин, или Перст Божий» (изд. А.Д. Сазонова. М., 1900; 1903) или «Атаман Кузьма Рошин, или Суд Божий» (изд. И.Д. Сытина. М., 1900; 1917), сохранившие некоторые детали казимовских событий 1770-х гг. Незамысловатые по сюжету рассказы о зверствах Рошина, созданные, видимо, на потребу читающей публики, сменяются экскурсами в давние времена, вплоть до эпохи Ивана Грозного («Кузьма Рошин, рязанский разбойник. Повесть из 17-го века». Изд. Н.А. Ерофеева. М., 1876; 1890), а место действия из Среднего Поволжья переносится или в некую северную, или в Астраханскую губ., и даже на Кавказ («Атаман Кузьма Рошин, или история одного перстня. Повесть времен Кавказской войны». К.К. Голохвастов. Изд. Холмушина. СПб., 1900).

Следует заметить, что тема разбойничества в лубочной литературе еще не была предметом специального рассмотрения исследователей, притом что значение лубка и лубочной книги как культурного феномена уже достаточно изучено¹. Исследование же содержания повестей о Кузьме Рошине позволяет отметить одну характерную особенность: несмотря на обилие сцен жестокости (особенно в ранних изданиях) повести всегда имеют одинаковый финал – смерть или арест разбойника, получавшего возмездие за свои злодеяния. В некоторых повестях Кузьма Рошин сам раскаивался в своих преступлениях и прекращал разбой (в первую очередь в переделках повес-

ти Загоскина, а также в стихотворной повести «Атаман Кузьма Рошин, волжский разбойник. Воспоминания слышанные. Иван Суслов». Изд. В.Г. Шагаева. СПб., 1879; 1884). Некоторые издания повести М.Н. Загоскина были осуществлены в С.-Петербурге Училищным советом при Святейшем Синоде. Кроме того, в начале XX в. наметилась явная тенденция лубочных издателей к героизации образа Кузьмы Рошина, когда в одном случае он оказался героем Кавказской войны («История одного перстня...»), а в другом («Атаман Кузьма Рошин, повесть Волгина». Изд. Е.Н. Коноваловой. М., 1901; 1914) превратился в героя Смутного времени, в рядах нижегородского ополчения защищавшего от поляков Троице-Сергиеву лавру и освобождавшего Москву. Всё это говорит о том, что лубочная литература, имевшая, при всей ее простоте, огромное влияние на народное сознание, была идеологически направляема властью через издателей и цензуру.

Лубочная литература о Кузьме Рошине оказала влияние на фольклор. Один из первых собирателей нижегородского фольклора писатель П.И. Мельников-Печерский (1818 – 1883) в романе «На горах» (1875 – 1881) упоминает уже знаменитого разбойника Кузьму Рошина, грабившего во второй половине XVIII в. и зарывшего много кладов в муромских лесах [Мельников 1878, 10].

В 1895 г. во «Владимирских губернских ведомостях» были опубликованы рассказы о разбойнике Василии Рошине, записанные в д. Старая Веря владимирским краеведом Н.Г. Добрынкиным [Добрынкин 1895, 33–38]. В них, наряду с упоминанием о реальных событиях и фольклорными мотивами колдовства Рошина, известными нам по записям А.Н. Полисадова, присутствуют также и следы лубочного влияния. Сообщается, например, что Василий Рошин, будучи арестован, принимал участие в составе арестантской команды в уборке трупов на улицах Москвы во время чумы (это вполне может являться отголоском загоскинской версии).

В архиве РЭМ нами были обнаружены рассказы о безуспешных поисках рошинских кладов, которые записал в 1899 г. священник с. Домнино Меленковского у. Владимирской губ. П.И. Каманин для этнографического бюро В.Н. Тенишева [АРЭМ, ф. 7, оп. 1, № 31, л. 69–71]. Жители этого села рассказали, что «дух, охраняющий клады, называется кладохраном или "сторожем разбойника Рошина". <...> К каждому кладу Рошин приставил сторожа из своих подчиненных и заклал их. Каждому сторожу Рошин отрубил голову. Гало-

¹ См., например, обширную библиографию [Тимошина 2001].

вы сторожей он положил на крышки сундуков с золотом. <...> Чтобы добыть клад, крестьяне в ночь на Иванов день (24 июня) ходят добывать цвет орешника» [АРЭМ, ф. 7, оп. I, № 31, л. 69–71]. О самом Рошине П.И. Каманин сообщил, что тот был «замечательный колдун и чародей. О нем рассказывают, что его пуля не брала и сабля не рубила» [АРЭМ, ф. 7, оп. I, № 31, л. 69–71]. Имени Рошина П.И. Каманин не указал, называя его «окским атаманом». Таким образом, в конце XIX в. магическая составляющая народных преданий о разбойнике Рошине продолжала усиливаться и дополняться рассказами о духах, охраняющихклады Рошина.

В Нижегородской обл. первые записи преданий о разбойнике Рошине, как уже отмечалось выше, были сделаны в 1937 г. Н.Д. Комовской. В их числе повторялись многие мотивы, известные по записям XIX в., а также появились некоторые новые, в том числе и о предательстве Рошина женщиной, о том, что Рошин был крепостным у Баташова, не выдержавшим издевательств барина, и о том, что Рошин грабил только богатых, а бедным помогал. Следует отметить, что в издании Н.Д. Комовской Рошин представлен исключительно как «благородный» разбойник, защитник бедных, социальный мститель. Он практически ни разу не называется ни разбойником, ни атаманом. Излишняя ориентированность Н.Д. Комовской на предания о Степане Разине, отмеченная в ее комментариях, привела к некоторым искажениям образа, что выразилось в подборке публикуемых текстов [Турусов 2004, 79–80]. Рассказы, не соответствующие разинскому типу, остались за пределами публикации, хотя и отмечены в комментариях. И напротив, присутствуют такие, которые аналогичны разинским, например о плавании Рошина по воде на платке или кафтане, о перетягивании им веревки через реку для остановки судов, но нигде, кроме издания Н.Д. Комовской, более не встречаются. Составитель приводит даже рассказ о том, как Разин, прослышав, что Рошина убивают, полетел к нему на выручку, но не успел, заплакал и пошел прочь [Комовская 1951, 63]. Подобные аргументы позволяют высказать предположение об искажении фольклорного репертуара. Вместе с тем в записях Н.Д. Комовской отмечена одна характерная особенность рошинских преданий: два имени Рошина – Василий и Кузьма («Кузьму Рошина по настоящему Василием звали» [Комовская 1951, 55]), демонстрирующая пересечение двух традиций – фольклорной и лубочной.

После выхода в свет издания Н.Д. Комовской запись преданий о разбойнике Рошине стала обязательной задачей фольклорных экспедиций Горьковского государственного университета, работавших в Выксунском р-не в 1958, 1964, 1972, 1981 и 1985 гг. Во время экспедиции 1964 г. под руководством К.Е. Кореповой было записано интересное предание о том, как Кузьма Рошин раскаялся в своих злодеяниях и уехал жить под видом купца в Москву, где был схвачен во время чумного бунта и сознался, что он разбойник [ФА ННГУ, колл. 27, 1964, ед. хр. 6, № 222], что является пересказом второй части повести М.Н. Загоскина.

Пристальное внимание к персонажу местных народных преданий не оставило безучастными и выксунских журналистов. В 1964 г. была издана повесть Н.П. Ключарева (1910–1990), уроженца с. Шиморское, «Железная роза», одним из героев которой был рабочий баташовских заводов Василий Рошин, поднявший под влиянием пугачевских агитаторов бунт на заводах и организовавший вооруженный отряд, нападавший на речные суда. Кроме того, Н.П. Ключарев ввел в повесть мотив личной мести: Рошин стал мстить Баташову за то, что тот отобрал у него невесту. Во второй части дилогии «Работные люди» (1984) Н.П. Ключарев сделал Рошина солдатом суворовской армии, погибшим при штурме турецкой крепости Измаил.

Фольклорные экспедиции ГГУ 1981 г. (под руководством В.Н. Морохина) и 1985 г. (под руководством Н.В. Морохина) зафиксировали в рассказах местных жителей (среди прочих известных сюжетов [Турусов 2004, 77–79]) уже элементы пересказа сюжета повести Н.П. Ключарева: «Какой же он есть разбойник, если он борец за свободу рабочих на деле-то. <...> И вот он рабочий народ-то и поднял, и повел на подмогу Пугачеву» [ФФ КЭО, ед. хр. 1985-3, № 19 (4)]; «Была у Василия Рошина невеста. Ехали они со свадьбы. Навстречу им Баташов. Остановил. Невеста была красивая, отнял» [ФФ КЭО, ед. хр. 1985-7, № 17 (2)].

В конце XX – начале XXI в. предания о Рошине были включены в состав нескольких нижегородских фольклорных сборников [Морохин 1971; 1998; 2002; Шустов 2001], однако составители зачастую некритично относились к публикуемому материалу, а порой допускали искажения и фальсификацию фольклорных текстов.

В июле 2004 г. под руководством автора этих строк состоялась фольклорная экспедиция ННГУ, побывавшая в пограничных рай-

онах трех соседних областей – Выксунском р-не Нижегородской обл., Меленковском р-не Владимирской обл. и Касимовском р-не Рязанской обл.² Во время экспедиции были записаны предания, носящие следы влияния как ключаревской повести (о рабочем Василии Рошине, особенно в Выксунском р-не), так и «лубочно-загоскинского» варианта (о Кузьме Рошине в дореволюционных книжках, долго хранившихся у сельских жителей). Кроме того, в Рязанской обл. (р.п. Елатяма) был записан рассказ, являющийся результатом влияния соседнего разбойничьего цикла: повествуя о разбоях шайки Рощина, рассказчик настаивал, что атамана звали Кудеяр. Вместе с тем в Меленковском р-не Владимирской обл., менее затронутым влиянием повести Н.П. Ключарева, удалось записать предания, восходящие к историческим событиям: о нападении отряда Рощина на судно с казенными деньгами, о его укрывательстве в Рожновом бору и Колодливом озере, о поисках его кладов. Был также записан рассказ о том, как Рошин сжег на венниках девушку (считается, что данный мотив характерен исключительно для севернорусских разбойничьих преданий [Криничная 1991, 21]).

В д. Нижняя Веряя мы побеседовали с А.Н. Ивановой, которая происходит из семьи Ворожеиновых, враждовавшей во второй половине XVIII в. с атаманом Василием Рошиным. Она помнит рассказы матери об этом конфликте и о своем далеком предке – колдуне Ворожеинове.

Проведенные исследования позволили установить исторический факт существования вооруженного отряда атамана Петра Рощина, действовавшего на р. Оке в 1774 – 1775 гг., выявить целый пласт разнообразной лубочной литературы, посвященной разбойнику Кузьме Рошину (издававшейся со второй половины XIX в. вплоть до 1917 г.), обнаружить фольклорные записи об атамане Василии Рошине, относящиеся к середине XIX в., а также существенно расширить границы ареала народных преданий о разбойнике Рошине.

Предания о Кузьме Рошине наглядно демонстрируют, что формирование и развитие устной исторической прозы является сложным процессом. В нем первоначальные народные рассказы, основанные на исторических сведениях, дополнялись типологическими фольклорными мотивами и в то же время послужили источником литературных произведений, в частности лубочных разбойничьих повестей,

в которых, в свою очередь, разрабатывались вполне самостоятельные сюжеты, возвращавшиеся затем в фольклор и дополнявшие его.

Литература

- Бахтурин 1836 – *Бахтурин К.А.* Козьма Рошин, рязанский разбойник. М., 1836.
- Добрынка 1895 – *Добрынкин Н.* Муромская округа (вторая половина XVIII столетия) // Владимирские губернские ведомости. 1895. № 26. С. 32–38.
- Загоскин 1987 – *Загоскин М.Н.* Сочинения. В 2 т. М., 1987. Т. I: Историческая проза.
- Ключарев 1966 – *Ключарев Н.П.* Железная роза. Горький, 1966.
- Ключарев 1984 – *Ключарев Н.П.* Работные люди. Горький, 1984.
- Комовская 1951 – *Комовская Н.Д.* Предания и сказки Горьковской области. Горький, 1951.
- Криничная 1991 – *Криничная Н.А.* Предания Русского Севера. СПб., 1991.
- Мельников 1978 – *Мельников П.И.* На горах. В 2 кн. Горький, 1978. Кн. I.
- Морохин 1971 – Нижегородские предания и легенды / Сост. В.Н. Морохин. Горький, 1971.
- Морохин 1998 – Легенды и предания Волги-реки / Сост. В.Н. Морохин; Подгот. текста Н.В. Морохина и Д.Г. Павлова. Н. Новгород, 1998.
- Морохин 2002 – Легенды и предания Волги-реки / Сост. В.Н. Морохин; Подгот. текста Н.В. Морохина и Д.Г. Павлова. Н. Новгород, 2002.
- Соколова 1970 – *Соколова В.К.* Русские исторические предания. М., 1970.
- Тимонина 2001 – Русский лубок. Народная книга. Библиографический список публикаций / Мат. подгот. Н.Р. Тимонина // Традиционная культура. 2001. № 2. С. 70–81.
- Титов 1991 – *Титов А.А.* Историческое обозрение города Муром. Муром, 1991.
- Турусов 2004 – *Турусов И.В.* Народные предания о Кузьме Рошине // Филологические исследования: Сб. ст. молодых ученых. Н. Новгород, 2004. С. 74–82.
- Турусов 2005 – *Турусов И.В.* Предания о разбойнике Рошине // Живая старина. 2005. № 1 (45). С. 46–48.
- Шустов 2001 – Легенды и предания земли нижегородской / Сост. М.П. Шустов. Н. Новгород, 2001.

Сокращения

- АРГО – архив Русского географического общества.
- АРЭМ – архив Российского этнографического музея.
- ГТБ – Государственная театральная библиотека (ныне Российская государственная библиотека по искусству).
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.
- ФА ННГУ – фольклорный архив Нижегородского государственного университета.
- ФФ КЭО – фольклорный фонд культурно-экологического объединения «Китоврас» (Н. Новгород).
- ЦАНО – центральный архив Нижегородской области.

² Предания о Рошине, зафиксированные в ходе этой поездки, см.: [Турусов 2005].